

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:355.257.7(470.22)

**Население Карелии в условиях оккупационного режима.
1941 – 1944 гг. В концлагерях. Часть II**

Макуров В.Г.¹

В 1941-1944 годах территория Карелии была оккупирована финскими войсками. Оккупационные власти создали концентрационные лагеря, куда помещали людей по этническому признаку. В статье продолжается публикация воспоминаний людей, бывших заключенными в финских концентрационных лагерях в годы Великой Отечественной войны. Всего здесь публикуются воспоминания 15 человек и одно коллективное письмо (146 человек).

Ключевые слова: Карелия, Великая Отечественная война, оккупация, концлагеря

**The population of Karelia during the occupation. 1941-1944. In
concentration camps. Part II.**

Makurov V.G.¹

In 1941-1944 the territory of Karelia was occupied by the Finnish army. The occupation authorities have created concentration camps, where people were placed on ethnicity. The article continues the publication of memoirs of the ex-prisoners of Finnish concentration camps during the Great Patriotic War. In total there are 15 people published memoirs and one collective letter (146 people).

Key words: Karelia, the Great Patriotic War, occupation, concentration camps

¹Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11, 185910. Candidate of Science (History), Senior Researcher. Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Petrozavodsk, Pushkinskaia str., 11, 185910.
E-mail: vasgri@onego.ru

© **Макуров В.Г.**

Первая часть воспоминаний узников финских концентрационных лагерей была опубликована в третьем (23) номере журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» за 2013 год. Там представлено пространное введение с необходимым историографическим блоком и опубликованы воспоминания двух узников [1]. В данной статье публикуются воспоминания 15 узников и письмо 146 узников финских концентрационных лагерей.

Е.М. ДМИТРИЧЕВА¹

...В начале Отечественной войны я, Дмитричева находилась на оборонных работах, откуда по окончании работ уехала в Заонежский район Карело–Финской ССР, где и попала в плен к белофиннам. Из Заонежского района в начале февраля 1942 года белофинны привезли нас в концлагерь № 6 г. Петрозаводска, а затем направили работать на ст. Орзег, а впоследствии в [с.] Деревянное и Пески. Находясь в Орзеге и Песках, мне часто приходилось видеть, как белофинны издевались над мирным советским населением, заключенным в специально ими созданные лагеря.

Так, например, в лагере Пески мальчик Пеня² от сильного голода, не спросив разрешения начальника лагеря, зашел в палатку финских солдат, чтобы попросить кусок хлеба, и находившийся там в это время начальник лагеря, выстрелом из пистолета убил мальчика. Кроме того, финские мародеры избивали мужчин, ребят и девушек только за то, что они заходили друг к другу в барак или ходили в палатки финских солдат за подающим. Так счастливые советские люди

белофинскими разбойниками были превращены в бесправных, забитых нищих.

Всех фактов избиений и надругательств со стороны финнов по отношению к русскому пленному населению я сейчас не помню, т.к. их было очень много и избиение советских граждан финнами вошло в систему. Особенно отличался в жестокости начальник лагеря № 6 майор финской армии (фамилию которого не знаю). Этот изверг майор бил народ и за то, что к нему кто-либо обращался с тем или иным вопросом.

Население лагерей в 1942 году сильно вымерло от голода. Финны покойников вывозили два раза в неделю, каждый день в лагере умирало до 10 человек. Мой отец, Дмитричев Михаил Федорович, умер только лишь от голода, а мне, как дочери, финны не разрешили даже похоронить его. Знаю, что он зарыл в Песках на кладбище, где похоронены тысячи советских граждан.

Дмитричева².

17 июля 1944 г.

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов.

Копия.

Примечания

1. Дмитричева Екатерина Михайловна родилась в 1924 г. в д. Михайловка, Телегинского района Пензенской области. В 1941–1944 гг. находилась в финской оккупации на территории Карелии в концлагере № 6 г. Петрозаводска, в с. Деревянное, Песках. Давала свидетельства спецорганам по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1945 гг. Так в тексте.
2. Подпись отсутствует.

В.Н. КОРОБОЧКИНА¹

...О начале Великой Отечественной войны узнала по радио, потом сказали родители. Осенью 1941 года финны и немцы увезли нас в Олонецкий район в концлагерь д. Видлицы, оттуда перевезли в с. Ильинское, тоже в концлагерь. Со мной в концлагере были: мать Коробочкина Евдокия Михайловна,

сестра Коробочкина Галина Николаевна, брат Коробочкин Владимир Николаевич. Отец был призван в армию и воевал на Карельском фронте.

Пребывая в концлагере, я все время хотела кушать, и мой брат решил пройти к проволочному ограждению с миской, попросить у солдат покушать. Когда я протянула мисочку через колючую проволоку, то в насмешку финские солдаты плюнули мне в миску и засмеялись. Тогда брат решил сбежать (ему было 8 лет). Он бежал и его не было 2 недели. За это время, что его не было, моей маме пришлось сделать куклу, т.к. после 20 часов солдаты проверяли количество людей, содержащихся в комнате, на двери каждой комнаты висела бирка с количеством человек.

Ни об одном радостном воспоминании моей жизни в период Великой Отечественной войны я не помню, могу рассказать только о трудных голодных днях. В концлагере мы вставали рано утром. Мать чем-то нас кормила, топила печь, грела кипяток. Потом мать гнали на работу на лесозавод, нам за это время нужно было приготовить каких-то дров для печи. Были случаи, когда нас избивал пьяный палач и нам приходилось прятаться. Думали только о еде. Потом встречали мать, она несла несколько полешек дров, пыталась снова нас покормить, а после 20 часов вечера нас запирали в бараки и выходить запрещалось. У дверей вставали охранники. Мы восьмером спали в комнате 14 квадратных метров на нарах, там же стояла параша. Ночью мы слышали выстрелы, а утром узнавали, что кто-то пытался бежать, у кого-то не выдерживали нервы, а хоронили прямо в снег.

День Победы мы встретили в Олонце, в окно постучал мой родной дядя, Данилов Василий Михайлович. Он проездом ехал, освобождал Олонец и сообщил нам эту новость и первый встретился с нами².

7 мая 1996 г.
Коробочкина.

Архив Карельского научного центра РАН. Коллекция документов. Подлинник рукописный.

Примечания

1. Коробочкина Валентина Николаевна родилась в 1936 г. в д. Перфиевской Лодейнопольского района Ленинградской области, русская. Накануне Великой Отечественной войны проживала по месту рождения. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в том числе в лагерях д. Видлицы и с. Ильинское Олонецкого района. После войны жила в Свердловске, а затем в Петрозаводске. Окончила 7 классов, работала на Онежском тракторном заводе (ОТЗ).
2. Со слов В.Н. Коробочкиной записал студент исторического факультета ПГУ В.С. Скачков.

В. ЛАНТУХ¹

Лагерный голод гнал нас, мальчишек и девчонок, в город к финским кухням и казармам, чтобы раздобыть что-либо съестное. В самый мрачный и голодный 1941 год мне исполнилось 18 лет. А для того, чтобы выйти в город, был только один путь – пролезть под колючую проволоку, да так, чтобы не заметили охранники. Каждая вылазка была связана с риском наказания до 25 ударов плеткой. Слабые не выдерживали, и некоторых приходилось на руках относить в барак. Но, несмотря на страх перед наказанием, голод гнал людей в город.

Расскажу лишь об одной такой памятной для меня вылазке. Но вначале несколько слов о том, как я оказалась в 4-м петрозаводском концлагере. Перед самой войной я приехала из Подпорожского района Ленинградской области к своей старшей сестре в Кондопогу помочь ей с детьми.

Их у нее было четверо, и все мал-мала–меньше. Через две недели после моего приезда началась война. Осенью нас отвезли в Шелтозеро на пристань. Напрасно мы ждали баржу, она не подошла. Там, в деревне Другая Река, мы оказались в оккупации. От карельских паспортов, что нас спасло бы от выселения в лагерь, мы отказались.

Так вот, находясь в 4-м лагере, с уже покойной ныне Машей Остовой пошли на Троицу в город. Пришли к финской кухне. Нас попросили помыть полы, а потом почистить туалет. Все это мы сделали. А за работу нам дали немного гнилой

картошки. Стали возвращаться. Крадучись, приблизились к проволоке. Я приподняла нижний ряд и пропустила вперед подругу. Только стала перелезать сама, увидела, что по направлению к нам идет староста-доносчик. И я так рванулась вперед, что коса моя, зацепившись за колючки, так и осталась висеть на них. Сгоряча я боли не почувствовала, но, оказавшись в бараке, не могла найти себе места. Коса оторвалась вместе с клочками моей кожи. Рана заживала долго. А на работу выходить заставляли.

Через какое-то время наш 4-й лагерь ликвидировали и всех перевели в 6-й, который размещался на Перевалке. Некоторое время возили на работу на слюдяную фабрику для щипки слюды. Работа требовала большого навыка, а наши руки были непослушными, работа непривычная, и норму выполнять мы не могли. А вскоре нас, подростков, стали направлять на лесозаготовки. Я оказалась в местечке Койвусельга в Пряжинском районе. Там жили в бараке под той же лагерной охраной. Привозили на две недели. Потом отвозили на некоторое время в лагерь, затем снова на лесозаготовки. Кормили раз в сутки горячей баландой. Остальное пропитание было в лесу – грибы, ягоды, съедобные травы. Работали голодные и истощенные. Норма заготовки была установлена в объеме 6 кубометров с корня. С нормой справляться мы не могли и вместо 300 граммов получали только половину. Я исхудала настолько, что меня спасло лишь наступление наших. Когда финны отступали, я едва смогла выйти из барака в лесу на крыльцо, чтобы дожидаться своих. А те из наших ребят и девочек, кто смог, убежали в лес. Заготовками леса руководил некий Паксонен. Человек грубый, он нередко пускал в дело и плетку.

Вот такие ужасы и страдания пришлось нам пережить в самом расцвете нашей молодости, вместо того, чтобы учиться, водить по праздникам хороводы, петь любимые песни, которые, сказать по правде, мы не забывали и в лагерях. А некоторые из них даже приспособивали к своей лагерной жизни:

Раскинулся лагерь широко,
Кругом лишь бараки стоят.
А в доме большом и высоком
Засел белофинский отряд.
Не слышно по лагерю песен,
Не слышатся крики детей.

Барак наш угрюмый и тесен,
Он полон безвинных людей...

Песня эта на популярный мотив «Раскинулось море широко» была длинной и отражала все стороны лагерной жизни. За ее пение наказывали. Но люди, доведенные до отчаяния, все равно продолжали петь. Песню, как и птицу, нельзя было отгородить колючей проволокой.

После освобождения я подлечилась и поступила на работу в военизированную охрану бойцом на железную дорогу. Работала там четыре года, а потом устроилась щипальщицей на петрозаводскую слюдяную фабрику. Вот тут-то я уже принялась по-настоящему и с охотой осваивать профессию. И, наверно, была неплохой работницей. Когда просматриваю свою трудовую книжку, вижу, что все страницы исписаны благодарностями и приказами о поощрениях и премиях. Но лагерная жизнь сказалась на здоровье. На инвалидность выйти пришлось в 55 лет. А тридцать из них я отдала слюдяной фабрике.

Сегодня живу одна. Мужа, бывшего партизана белорусских лесов, схоронила в прошлом году. Но одинокой себя не чувствую. В городе живут две мои взрослые дочери, есть внуки. Все они меня часто навещают. И душа моя радуется, что, несмотря на все сложности жизни, она у них складывается хорошо.

2005 год¹

«Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников». Петрозаводск, 2005. С. 18–20.

Примечания

1. Датировано по времени публикации воспоминаний.

А.П. ЛЕВКИН¹

...До начала Отечественной войны Советского Союза против немецко-финских захватчиков проживал по месту своего рождения. С приходом в наш район немецко-финских захватчиков, был взят в плен и, как военнопленный (хотя я никогда не был военнослужащим), направлен в концлагеря, которые финны называли лагерями «советских военнопленных», тогда как в них не было ни одного военнослужащего Красной Армии, а только мирное советское население².

Лагерь, в который я был водворен, находился в гор. Петрозаводске и значился под № 5. В этом лагере я пробыл с 23 ноября 1941 г. по 20 июня 1944 г., т.е. до того момента, когда Красная Армия освободила г. Петрозаводск³, а вместе с ним и всех советских граждан, заключенных белофиннами в лагере.

Режим в лагере был очень тяжелым. Подъем в 6 час. утра, в 7 час. все должны быть на разводе у ворот лагеря, откуда пленных бригадами под конвоем направляли на различные работы. С работы возвращались в 5 час. и до 8 час. вечера занимались уборкой лагеря. В 9 час. вечера всякое хождение по лагерю специальным приказом строго воспрещалось и все должны были находиться на своих местах, воспрещалось даже переходить из одной комнаты в другую. Запугивание, побои и расстрелы были излюбленными методами белофинских правителей для поддержания заведенного порядка в лагерях. Запугивали репрессиями, били и расстреливали по различным причинам.

За опоздание на работу били, не явился вовремя в лагерь – побои и карцер, вздумает протестовать против произвола лагерного руководства – опять побои и карцер, за выход без разрешения за ограду лагеря, в лучшем случае побои и карцер, а чаще расстрел на месте.

В 1943 году я был отпущен в город и не смог вовремя вернуться в лагерь. На следующий день я заболел и, по разрешению врача, не вышел на работу. Заведующая домом Л.³ донесла финнам, что я опоздал явиться из города и, симулируя болезнь, не вышел на работу. За мной пришли два финна и без всякого разбора избили меня резиновыми палками и на 12 суток посадили в холодный карцер.

Гражданку Майорову Анну финны избили лишь только за то, что она вздумала протестовать против произвола старшины лагеря – предателя Л.³, систематически обворовывавшего население при выдаче им продовольственного пайка.

Белофинны прибегали и к другим не менее драконовским методам воздействия на население лагерей. За ту или иную «провинность» одного отвечали все жители барака, где жил «провинившийся».

Когда заключенный в лагере Кулаков Александр, 14 лет, пытался выйти из лагеря в город для приобретения продуктов и был задержан, так за это все жильцы дома № 20 лагеря № 5 были оставлены на 4 дня без питания.

В лагере царил произвол и грабеж. Все лучшие вещи заключенных финнами и их пособниками-предателями О.³ и угодником К.³ были отобраны, возражать против этого мародерства было невозможно. Ко всем прочим лишениям жизни в лагере добавлялось еще полуголодное существование.

В лагере существовала мизерная норма продовольственного снабжения, состоящая из 300 г. хлеба с примесью древесной муки, 15 г. сахара на день и изредка, на 2–3 дня, 50 г. конины. Но и эта «норма» не доходила до заключенного в лагере, т.к. старшины барачков, которые ведали распределением продуктов, всячески обкрадывали заключенных. Доведенное до крайнего истощения население лагерей вынуждено было различными путями добывать себе дополнительное питание, в результате жестоко наказывалось белофиннами.

Однажды я, договорившись с тов. Демехиным Леонтием, 13–14 лет, вышли из лагеря и в оставшемся после ухода Красной Армии складе нашли немного продуктов и принесли с собой. Наше отсутствие было замечено начальником лагеря и нас вызвали в комендатуру на допрос. При допросе офицер Мойланен, чтобы вынудить меня на показания, периодически, через каждые 5–10 минут, избивал резиновой палкой, внутри которой находился железный прут. После допроса нас, раздетых, бросили в холодный карцер, где температура воздуха было 18–20 градусов холода. Пробыв в карцере 6 час. к нам пришел финн Вейко Ламберен и, избив снова резиновой палкой, отпустил в барак. Всего мне за это время было нанесено 43 сильных удара. Демехин Леонид при вторичной попытке выйти из лагеря с той же целью, без всякого предупреждения был убит белофиннами.

Мне известен и такой случай, когда истощенные от недоедания и непосильной работы 5 человек заключенных из лагеря в пос. Вилга решили бежать из финского плена, но были задержаны, доставлены обратно в лагерь и прогнаны через строй. За экзекуцией наблюдал лейтенант финской армии, и тех, кто бил слабо, он приказывал своим солдатам пороть их розгами. Один из пяти, пытавшихся бежать, подросток лет 15, не выдержав избиения, укусил лейтенанта за палец, тогда последний, схватив его за горло, бросил в сторону, а один из солдат тут же пристрелил его из винтовки. Лейтенант же заявил, что такая участь грозит и остальным четырем.

18 июля 1944 г.

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов.
Копия заверенная.

Примечания

1. Левкин Александр Павлович родился в 1925 г. в д. Павловская Подпорожского района Ленинградской области. Накануне Великой Отечественной войны проживал по месту своего рождения. В 1941–1944 гг. находился на оккупированной территории Карелии, в том числе в концлагере №5 г. Петрозаводска. После освобождения Петрозаводска давал свидетельства органам госбезопасности по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1944 гг.
2. Так в тексте.
3. Фамилия, имя, отчество опущено составителем.
4. Подпись отсутствует.

Л. МАКЕЕВА¹

Я коренная петрозаводчанка. Семья наша жила в трехэтажном кирпичном здании в районе нынешнего старого вокзала. Квартиру в этом доме дали отцу. Он работал на железной дороге, и звали его Павлом Ильичем. Был он 1908 года рождения. Мать – Ольга Михайловна Илюкова. Ей сейчас уже 95 лет, и она живет со мной в Петрозаводске.

Когда началась война, отец уверял нас, что долго она не продолжится, и отправил семью в его родную деревню Шангостров, где жила его мать, моя бабушка. Сам он оставался на брони как железнодорожник и занимался эвакуацией грузов промышленного характера. Деревня, куда мы приехали, находилась в Подпорожском районе Ленинградской области. Но война туда пришла быстрее, чем в Петрозаводск. Мы пытались уйти от наступавшего противника. Бабушка взяла в дорогу немного продуктов и даже повела корову. Мы направились в сторону [р.] Свири. Мне было пять с половиной лет, а братику Юре – три с половиной. Я вела его за руку. Мы ушли в лес. С нами шли и другие деревенские семьи. Кончилась еда. Некоторые из женщин пошли на брошенные колхозные поля

накопать картошки. Но тут появились финские разведчики. Мы были вынуждены сказать, что остановились неподалеку в лесу. Всех нас заставили вернуться в деревню. Так мы оказались в плену.

Мама была беременной уже на последнем месяце и в деревне родила двойню девочек. В ноябре финский комендант дал команду собраться в 24 часа и взять с собой только самое необходимое. Привезли нас на машинах на станцию Токари и там погрузили в теплушки и отправили в Петрозаводск. Поначалу вернулись в свою городскую квартиру. Мама пошла по делам в город, и ей кто-то из знакомых посоветовал получить финский или карельский паспорт, что помогло бы избежать неприятностей. Но никто не мог предвидеть всех страданий, через которые нам предстояло пройти, и мать категорически отказалась от получения таких документов, считая такой шаг предательством, тем более что наш отец был партийным.

А через некоторое время нас разместили в домах барачного типа, которые уже были обнесены колючей проволокой. Здесь был образован 5-й лагерь. Место это в дальнейшем получило название Пятого поселка. Там и сегодня еще стоят некоторые дома той поры, правда, капитально отремонтированы и перепланированы. Семья наша выросла. Нас было уже пятеро, и с нами из деревни приехали бабушка и дедушка. Поселили нас в комнате на 15 квадратных метрах, и было в ней пять семей. В общей сложности 21 человек. По мере того, как население лагеря до конца 1942 года и в дальнейшем стремительно вымирало, со временем нашей семье дали отдельную комнату на восемь квадратных метров. Тоже было очень тесно, но все же это была наша семья.

В условиях голода, холода, без медикаментов люди вымирали целыми семьями. Не обошло это горе и нас. Один за другим умерли бабушка и дедушка. Организм мамы тоже ослаб, и она заболела куриной слепотой и малокровием. Мои маленькие сестрички Галя и Нина, не получая даже материнского молока, тоже умерли. Мы с мамой остались вдвоем. И не знаю, что было бы с нами, если бы не девочка-подросток 14-летняя Римма Гуляева, ныне Иванова, родом из той же деревни Шангостров. Вместе со взрослыми она тоже выходила на работы в город. Благодаря своей сноровистости и не по годам находчивости, умела найти то у финнов, то среди местного населения что-нибудь из съестного. И непременно

делилась с нами. Я очень признательна ей за это. И, может быть, благодаря ей мы сумели продержаться самое трудное время. Римма Ивановна живет в Петрозаводске. К сожалению, частенько прибаливает – сказываются те горести и лишения. Получает маленькую пенсию. Это было участью большинства бывших малолетних узников. Теперь, слава Богу, у нас имеется ощутимая прибавка к пенсии и жить стало все же немного легче. Карельский союз узников, как в былые годы, так и сегодня, добивается, и в ряде случаев небезуспешно, тех социальных льгот, которые им положены по закону.

«Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников». Петрозаводск, 2005. С. 20–22.

Примечания

1. Датировано по времени опубликования воспоминаний.

В. МИХАЙЛОВ

Летом 1941 года наступающие войска Маннергейма подвергли интенсивным бомбежкам и артобстрелам железнодорожный мост через реку Свирь, в трех километрах от которой стоял наш дом. Мы устремились в лес в юго-западном направлении от Подпорожья. Вырыли землянки. Ночью было хорошо видно зарево пылающего Подпорожья. Немцы нас заметили с самолетов по нашим кострам. Финские наступающие части вышли на дорогу, и пошли в сторону станции. Так начался наш плен, который продолжался до лета 1944 года. Поначалу нас разместили в деревне Усланка на берегу все той же Свири, где уже было немало таких беженцев, как и мы. А там уже распределяли по лагерям.

Так, гостившие у нас тетя Вера из Ленинграда и ее дочери Тамара шести лет и трехлетняя Лариса попали в Ведлозеро. А мой друг Боря Ромашов при живых родителях оказался усыновленным бездетной финкой. Мне все же повезло: оказался с родителями в петрозаводском лагере № 3. У меня имеется документ из Военного архива Финляндии, в котором в графе «ближайшие родственники» стоит знак вопроса. Возможно, и я рассматривался лагерной администрацией в качестве кандидата на усыновление.

У отца открылся туберкулезный процесс, и нас троих отселили в деревушку Готнаволок, где мы спасались от

голодной смерти дарами природы, а отвары шиповника помогли организму отца окрепнуть. В лагере паек был очень скудным. Пища – несносного качества. Все ели, ничем не брезгуя, даже подножной травой. Помню, как мы с Колей Дьяконовым однажды пролезли под проволоку, чтобы выпросить у финских солдат хоть какие-либо объедки. Разные были финны среди солдат, некоторые делились своими, тоже, надо думать, не богатыми военными пайками.

Время от времени над лагерем появлялись наши самолеты и сбрасывали листовки. Несмотря на строжайшие запреты, некоторые из них мы подбирали. Одна – от 3 марта 1944 года – хранится у меня до сих пор.

После освобождения на месте своего дома мы нашли пепелище. Я был свидетелем следов многочисленных варварств оккупантов. Здание университета тогда было значительно меньше, и в нем находился кинотеатр. Все книги из университетской библиотеки были свалены во дворе и возвышались грудой. На месте нынешнего корпуса ПГУ в бурьяне лежала глыба от памятника Ленину, который стоял на Круглой площади.

В июне 1944 года десант моряков во главе с капитаном И.С. Молчановым, это было 29 числа, несколько часов находился на противоположном берегу, выясняя, покинул ли противник город. Жители Зареки, собрав куски красной ткани, сшили большой флаг и водрузили его над зданием школы, стоящей возле церкви. Увидев его, десантники поняли, что противник оставил город.

Спустя много лет после всех этих событий я решил провести некоторое историческое исследование, чем обернулась оккупация для мирных жителей нашей республики, по злому року судьбы оказавшихся в концлагерях, тюрьмах и других местах принудительного содержания.

О лагерном режиме и его бессмысленной жестокости

В шести петрозаводских лагерях содержалось до 35 тысяч советских граждан¹, проживавших на территории Карелии и Ленинградской области. Кроме того, подобные лагеря были и в районах Карелии – в Медвежьегорске, в пос. Ильинском Олонецкого района, в Кутижме и в Киндасово Пряжинского района в Орзеге и в Вилге Прионежского, а также многие

местные концентрационные пункты для содержания граждан перед отправкой их в лагеря.

Все взрослое население и дети с 12 лет привлекались к работе на различных объектах. В зоне лагерей оставались дети и беспомощные старики. Во многих семьях дети были предоставлены сами себе.

Вот лишь некоторые из составов семей:

1. 8 детей – в семье Карповых.
2. 7 детей – в семье Исаевых.
3. 6 детей – в семье Соболевых.
4. 5 детей – в семье Амосовых.

5. По четверо детей – в семьях Харченко, Чапуриных, Никитиных, Мелюченко, Поповых, Яскеляйнен, Ятаниных, Костиных, Песонен, Шевко, Бакуты, Силкиных, Фатеевых...

Возраст детей был разный. Дети с 15 лет отбирались у родителей и направлялись в трудовые лагеря, которых было немало на оккупированной территории Карелии.

Ущерб, нанесенный малолетним узникам оккупационным режимом, можно обозначить такими категориями:

1. Смертность, которая преследовала бывших малолетних узников в результате голода и холода и различных заболеваний без медицинской помощи, что сказалось на их здоровье и в последующие годы.

2. Инвалидность и плохое состояние здоровья после освобождения.

3. Принудительный труд.

4. Разрушение семей.

5. Физические увечья.

6. Этническое неравноправие.

Смертность бывших малолетних узников в 1941–1944 гг.

Уровень смертности во всех шести петрозаводских концлагерях в этот период был необычайно высок. Он был даже выше, чем в немецких лагерях, где смертность достигала 20%, а в финских – 13,75%.² Положение несколько улучшилось лишь к середине 1943 года и в 1944 году, когда исход войны становился ясен обеим сторонам. К этому времени уровень смертности снизился до 1,4%.

В первоначальный период лагерной жизни люди вымирали целыми семьями. только за один первый год число узников в лагере № 5 сократилось на одну четверть. Если в 1941 году в этом лагере насчитывалось до 8000 человек, то к

середине 1942 года было уже 6000 человек. Ежедневно в каждом из лагерей в день умирало до 20–25 узников. Особенно высокая смертность была в Кутижемском лесном лагере.

В каждом лагере работала похоронная команда. Трупы складывались в сараях и отвозились на кладбище «Пески». В каждую траншею укладывалось до 40 трупов, грудные дети умирали один за другим. Голод косил детей в первую очередь. Но и питьевая вода отпускалась по норме, основной рацион заключенных состоял из баланды серой ржаной муки. Вместо хлеба выдавали, как правило, подпорченные галеты. И только работа Красного Креста, когда дело уже шло к освобождению, положение с питанием несколько улучшила.

Режимные ограничения и наказания

Каждый из лагерей был обнесен забором из двойного ряда колючей проволоки. По периметру были установлены вышки. На щитах повторялась надпись: «Вход и выход из лагеря без специального разрешения и разговор через проволоку воспрещен под угрозой расстрела». Это требование распространялось и на детей. В целях охраны или разгона заключенных в местах наибольшего их скопления использовались овчарки. Заключенным присваивались номера и нашивались красные нарукавные знаки. Систематически, иногда и по ночам, в бараках производились проверки наличия заключенных. После 20 часов передвижение по лагерю запрещалось.

Старшие барачников назначались комендантом лагеря. Они следили за порядком и обо всех нарушениях режима обязаны были докладывать.

Из-за отсутствия мыла и моющих средств для помывки в банях и стирки белья проводилась в принудительном порядке «прожарка» как самих людей, так и их одежды. Эта прожарка для многих, ослабших физически, становилась похлеще многих наказаний. Процедура с паром и карболкой при высокой температуре длилась 30–40 минут. Многие ее не выдерживали и теряли сознание.

У заключенных проводился принудительно отбор крови. На это счет имеется немало показаний. Случаи насилия и издевательств над узниками были явлением повседневным. Так, управляющий хлебозаводом некий Рачкала за малейшую

провинность сажал заключенных в чаны с холодной водой. Финский врач Колехмайнен вместо лечения нередко занимался истязанием людей. Были случаи, когда в ответ на жалобы узников на изношенность одежды и обуви, их выгоняли в одном белье на улицу на стылую землю.

Бездетным финкам, мужа которых погибли в войну 1939–40 гг., разрешалось усыновлять (удочерять) русских пленных детей.

Чаще других следовали наказания за самовольный выход за пределы лагеря. И поскольку эти требования нарушали дети и подростки, которых голод гнал в город в поисках пропитания, их тоже наказывали по всей строгости. Сажали в холодную будку, били резиновыми палками, нередко даже стреляли по ним. Многие дети были ранены и даже убиты. Лагерные охранники, как могли, изощрялись в своих издевательствах. Так, лейтенант Салаваара во 2-м лагере выгонял больных людей на работу с помощью плетки. Сержант Вейкко заставлял детей хлестать друг друга плеткой.

Этническое неравноправие

Развивая идеологию Великой Суоми до Урала, оккупанты планировали выселение славянского населения за административные границы территории, которая будет принадлежать Финляндии. На каждого узника была заведена личная карточка. В ней наряду с другими данными учитывалась и этническая принадлежность.

Узники делились на две основные категории:

1. Карелы, финны, вепсы, ингерманландцы, эстонцы.
2. Русские, украинцы, белорусы...[то есть все лица славянской национальности].

Личные карточки на лиц первой категории практически не заводились. Как правило, в лагерях они не размещались, а просто находились на оккупированной территории, имея на руках соответствующие паспорта и карточки для повышенной нормы получения продуктов.

«Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников». Петрозаводск, 2005. С. 34–38.

2005 год¹

Примечания

1. Так в тексте. По официальным источникам (российским и финским) в концлагерях Петрозаводска находилось около 25 тыс. человек.
2. Так в тексте. Эти данные требуют уточнения.

А.Ф. НЕСЛУХОВ¹

...При оккупации финскими войсками нашей местности, вместе с семьей и другими гражданами был взят в плен. В декабре 1941 г. нас привезли в г. Петрозаводск и водворили в концлагерь № 5 как военнопленных. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда, из жилых помещений были бараки. В конце 1941 г. в данный лагерь было водворено более 7000 чел. мирных советских граждан. В период 1942–43 гг. в каждой небольшой комнате размещалось от 10 до 12 чел., и в результате большой скученности и непролазной грязи развилась массовая вшивость.

Пленное население подвергалось исключительно жесткому режиму содержания: администрация лагеря издала инструкцию, по которой запрещалось выходить за пределы лагеря без специальных на то пропусков, строго запрещалось также подходить к проволочному ограждению. Даже в зоне лагеря и то не разрешали свободное хождение с 9 час. вечера. На работу выгоняли партиями по 100 чел., все делалось по команде и под оружием. В 7 час. утра бригадир выстраивал свою бригаду во дворе, затем после переключки сдавал конвоиру, который под оружием сопровождал на работу и обратно в лагерь. Работали на самых разнообразных тяжелых работах до 10 час. в сутки без выходных дней. В период 1942 г. никакого заработка мы не получали, а в последнее время стали платить, но самую мизерную сумму: мужчинам 7 марок, а женщинам 3–5, независимо от характера выполняемой работы. Труд был каторжным, а нормы выдачи продуктов питания настолько малы, что люди голодали и вынуждены были употреблять в пищу древесную кору и разную несъедобную траву. В 1942–43 гг. из продуктов выдавали: муки с древесной примесью и червями 300 г., сахара 10–15 г. на человека на 3 дня, рыбы или тухлой колбасы 50 г. на три дня.

В результате жестокого режима содержания, плохих жилищно-бытовых условий, непосильной эксплуатации на

тяжелых работах и от истощения в лагере царила неимоверная смертность граждан. За период пребывания в лагере мне известно, что общее число умерших превышало 2000 чел. Это можно судить хотя бы по тому, что ежедневно умирало от 60 до 70 чел. разных возрастов. У меня лично умерло две девочки и сын в возрасте от 4 до 3 лет. Я был сам очевидцем, как трупы вывозили до трех раз в неделю, а похороны производили в общую траншею длиной более 100 метров. Трупы закапывались по 3–4 ряда, а родственников допускали на похороны только под конвоем.

У меня нет слов выразить ту злость и ненависть к проклятым врагам человечества – к немецко-фашистским извергам, которая накопилась за время их хозяйничанья на нашей земле. Их зверства мы не забудем и наш народ не простит этого. Враги должны понести заслуженную кару. Начальник лагеря лейтенант финской армии и его ближайшие помощники – враги советского народа и изменники родины: старший врач лагеря Б.² и комендант К.² издевавшиеся над пленным населением, должны нести ответственность за свои кровавые преступления.

Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны. Неслухов³.

16 июля 1944 г.

Допросил: нач. отд. НКГБ КФССР капитан госбезопасности Красильников.

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов.
Подлинник рукописный.

Примечания

1. Неслухов Алексей Федорович родился в 1908 г. в д. Петтойгора Вознесенского района Ленинградской области, где и проживал до начала Великой Отечественной войны. В 1941–1944 гг. находился на оккупированной территории Карелии, в том числе лагере № 5 г. Петрозаводска.
2. Фамилии опущены автором-составителем.
3. Подпись отсутствует.

ЗАЯВЛЕНИЕ А.М. НИКОЛАЕВОЙ¹

Попав в плен к финнам в районе Свири, я в ноябре месяце 1941 г. была привезена в Петрозаводск и помещена в

лагерь № 2. Через 3 месяца меня назначили на работу фельдшером лагеря. За время пребывания в этом лагере мне известны следующие факты злодеяний оккупантов:

Смертность. Когда я прибыла в лагерь, в нем было около 3 тысяч человек. В результате голода, истощения и различных эпидемических заболеваний (тиф сыпной, холера) почти ежедневно умирало до 50 человек, в большинстве детей. Всех умерших хоронили на кладбище в Песках, так называемый «Лагерь № 8». Отводили на машинах, лошадях без всяких гробов, без одежды (в бумажных мешках). Причем родственникам не разрешали провожать, в результате никто из лагерников на могилах своих родных не был. Могилы были общие. Хоронили в воду.

Все питание лагерников до 1943 г. состояло из 300 г. муки. Из этого количества пекли хлеб и варили суп (баланду). Медикаментов почти не было, а то, что было, расходовалось на нужды администрации. Все лекарства, которые были приготовлены на спирту, выпивали начальники лагеря, предатель М.², который отравился эфирно-камфорным спиртом.

В результате к моменту освобождения нас Красной Армией в лагере из 3000 человек осталось 870–900 чел.

Расстрелы. Расстрелов населения не было³. В 1943 г. в апреле 2 женщины (Богданова Антонина, лаг. 5 и Качалова Агафья, лаг. 3) за то, что самовольно ушли в город с тем, чтобы заработать себе кусок хлеба и взяли в стирку офицерское белье, были приговорены судом к публичному расстрелу около штаба лагеря, но минут за 5 до исполнения приговора пришло «помилование», и расстрел был заменен тюрьмой. После этого их направили в Киндасово. Обе они имели детей 5 и 9 лет. Население лагеря насильно сгоняли к штабу с тем, чтобы видели, как их будут расстреливать. Народ, видя эту картину, рыдал.

В лагере № 5 имелось...⁴ расстреляли по подозрению в убийстве часового, причем это подозрение было основано лишь на том, что его обувь совпадала со следом.

Аресты. За время моего пребывания в лагере было арестовано не менее 200 чел., из них только за последние полтора месяца (май–июнь 1944 г.) арестовано около 50 чел. Арестовывали в большинстве случаев за попытку бежать, за нарушение режима, другие малозначительные «преступления». Всех арестованных направляли в тюрьму в Киндасово.

Денисов Петр, учитель Кирилл Иванович, Егоршина Александра Ильинична и инструктор физкультуры Клава (фамилии не помню) за пропаганду против оккупантов были арестованы и приговорены к пожизненному заключению. Было приговорено еще много [людей] к пожизненному заключению.

За произведенное убийство ...⁵ офицера одним молодым человеком, последний был расстрелян, а все его знакомые девушки, которые проживали в одном доме (8 человек) были арестованы и приговорены к пожизненному заключению. Освобождены Красной Армией. Фамилий их не знаю. Проживали они в доме № 8 лагеря 2.

Избиения. Начальник лагеря лейтенант Саловара Тимо (22 лет) – сын какого-то министра, имевшего дом в Хельсинки, пом. начальника лагеря предатель М.⁶ проживал под другой фамилией – был И.⁶, (отравлен), врач русской больницы предатель Б.⁶ (уехал с финнами), поляк эмигрировавший в свое время за границу. Старосты – предатели А.⁶ и Н.⁶ систематически избивали жителей лагеря за малейшее нарушение режима, за невыход на работу из-за болезни, отсутствия обуви, наличия детей и т.д., а в большинстве случаев просто без всяких причин. Избивали в большинстве случаев резиновыми трубками, которые каждый носил при себе. Избиениям подвергали почти всех так, что трудно даже назвать фамилии. Меня лично избил врач Б.⁶ раз 5 палкой (тростью) за то, что я не вставала, когда он входил, несвоевременно открыла форточку и т.д.

Взятничество и мародерства. Начальник лагеря Саловара лично отбирал у жителей ценные вещи (патефоны, одеяла, мануфактуру, кольца золотые и др.). В большинстве отбирал переводчик Берг (цыган). Видя это, отбирали вещи и пом. нач. лагеря М.⁶, старосты. Очень сильно были распространены взятки, старосты специально назначали на плохую работу в лагере, а тех, кто приносил им что-нибудь, определяли на работу с выходом из лагеря (под конвоем). Им носили продукты, одежду, обувь и др.

Будки. Для устрашения населения лагеря была создана будка (карцер), в которой помещалось человек 20. Сажали туда правыми коменданта лагеря (начальника) Саловара по докладу старост и других доносчиков на срок до 30 суток за малейшее нарушение режима, отказы от работы и пр. Находившимся там

питания не давали, кормились за счет передач родных. Одинокие сидели голодом.

15 июля 1944 г.

А. Николаева⁷

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов. Копия.

Примечания

1. Николаева Антонина Матвеевна родилась в 1912 г. в д. Яблонька М-Витерского района Ленинградской области, русская. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в том числе в лагере № 2 г. Петрозаводска. Данное заявление А.М. Николаева направила в Чрезвычайную Государственную Комиссию Карело-Финской ССР.
2. Фамилия, имя, отчество опущено автором-составителем.
3. Так в тексте. В действительности расстрелы были, о чем указывает в своем заявлении и сама А.М. Николаева, а свидетельствуют и другие документы.
4. Слово неразборчиво.
5. Слово неразборчиво.
6. Фамилия, имя, отчество опущено автором-составителем.
7. Подпись отсутствует.

К.А. НЮППИЕВА¹

...Помню, как оккупанты пришли в Заонежье. Мы все со страхом ждали, когда они зайдут в наш дом. Топилась печь, открылась дверь и несколько финских солдат вошли. Мама закрывала нас, а мы плакали.

Маму нашу еще до лагеря, в Заонежье, посадили в подвал, т.к. кто-то из дальних родственников сказал, что отец наш коммунист. Сразу после оккупации ввели карточки, на которые давали черный хлеб (галеты). Мама вернулась в д. Рим и привела корову. Зарезали ее. Но финны, узнав об этом, мясо отобрали, ее посадили в подвал, а потом всех нас лишили карточек на месяц. Мы чуть не умерли с голода. Ели мороженую картошку с огородов, колоски собирали.

В декабре 1941 г. нас выселили из дома, перевезли на санях в другую деревню. Летом на барже перевезли в лагерь № 6 г. Петрозаводска. Там запомнились лагерные проверки, когда

подолгу стояли на улице, ждали какое-то начальство, говорили Маннергейма. Помню, как всех загоняли в баню, от жары многие теряли сознание. Помню страх, когда пролезали под проволокой, чтобы идти просить хлеба у жителей города или у солдат на кухне. Видела сама, как мальчика пристрелили автоматной очередью на проволоке.

Во время войны я была ребенком. В лагере день начинали с проверки, все ли есть в бараках. Если финны узнавали, что кто-то уходил без разрешения за проволоку, то того наказывали шомполами – дубинками с проволокой внутри. Мы не были наказаны. Старшая сестра Мария, хотя ей было 14–16 лет, уходила на лесозаготовки на всю неделю, возвращалась в лагерь только на воскресенье и приносила нам сбереженный дорогой поек – плавленный сырок. Антонина (12 лет) ходила работать в Соломенное, там они плели шляпы из бумажной соломки, а мы, младшие, были предоставлены сами себе, бегали в лагере. Летом убегали под угрозой наказания в лес за ягодами, на поле за горохом. Некоторое время (в 1943 г.) учились в школе. Раиса – целый год (1 класс), а я несколько месяцев (2 – сентябрь и октябрь, т.к. обуви не было). Учили закон Божий, стихотворение «Буря мглою небо кроет...» Учителем был старичок. К нам в барак часто приходил молодой солдат-финн, иногда приносил хлеба, говорил: «Гитлер капут». Предупреждал нас о том, когда будет очередная пропарка одежды – тогда все отбирали, пропаривали, а потом выбрасывали и все искали свою одежду. Два раза случалось, что вещи сгорали.

Самое радостное – это день освобождения 28 июня 1944 г. Мы ждали нашего отца, встречали воинские эшелоны, были на митинге 29 июня.

День Победы 9 мая 1945 г. я встретила в г. Олонце, где воспитывалась в детдоме. Услышали мы о победе в ночь на 9 мая, у директора в кабинете радио было включено. Все ребята ликовали, несмотря на раннее утро (6 часов). Затем мы были на митинге у братской могилы воинам, погибшим при освобождении г. Олонца.

Дополнения

Родились все мы в Заонежье, в деревне Рим Вырозерского сельского совета. младшая, Эльвира, родилась 15 сентября 1941 года уже в дни войны. Наш отец, Александр Васильевич Соболев, так и не узнал имени шестой дочери.

Коротко расскажу о нем. Работал отец в течение многих лет бухгалтером в Кузарандской МТС, а в 1940 году был переведен в Пряжинский госбанк. Мы все собирались летом 1941 года переехать к нему. Старшая сестра Мария уже успела это сделать. Нас же, остальных, в разгар сборов застала война.

Отец пользовался отсрочкой по броне. Но мог ли он, коммунист, усидеть дома? В начале июля пошел добровольцем. Сначала воевал в истребительном батальоне, а потом на Ленинградском фронте. Обстоятельства сложились так, что мы от него не смогли получить никакой весточки. Правда, впоследствии кое-что нам сообщили те, кто встречал его на фронте. Но это стало нам известно только после войны. Например, воспитательница Олонецкого детского дома Гусева (имени, к сожалению, не помню) рассказала, что видела нашего отца под Ленинградом в 1944 году. Он был ранен, хромал. Справка в пенсионном деле лаконично сообщает: пропал без вести. Вот почему отец так и не узнал о рождении младшей дочери.

Через несколько месяцев после его ухода на фронт, в Заонежье пришли финские оккупанты. Из запретной зоны были выселены жители многих деревень. Эта беда не обошла и наш Рим. Мама укутывала на груди младшую трехмесячную Элю, а рядом сидели еще пятеро.

Стужа была страшная, а у нас не нашлось теплой одежды. Времени на сборы не дали. Даже обед в печке остался нетронутым. По пути следования остановились в какой-то деревне. Несмотря на запрет, мама вернулась домой и привела корову. Но радость наша была недолгой – оккупанты приказали сдать корову. А когда мама решила ее прирезать, мясо отобрали и в наказание лишили всю семью продовольственных карточек на месяц.

Летом 1942 года нас привезли в Петрозаводск на барже и разместили в концлагере. Поселили в бараке № 125 шестого лагеря. Больную маму также поместили с нами, но потом часто забирали в больницу.

Помню, как люди падали в обморок от жары в так называемой бане, а затем их обливали холодной водой. Помню «дезинфекцию» барачков, после которой шумело в ушах и у многих шла носом кровь. Помню и ту парилку, где с большим «старанием» обрабатывали все наше тряпье. Однажды парилка

сгорела, лишив многих людей хоть какой-то возможности пройти санитарную обработку.

Как-то прошел слух о приезде в лагерь большого начальства. Всех выгнали из бараков, провели тщательную «дезинфекцию». Молодежь постарше заставляли работать. Марию, которой было пятнадцать лет, определили на лесозаготовки. Там все было, как на каторге. За малейшую провинность наказывали розгами.

Кормили плохо, испорченными продуктами. Наша одежда изнашивалась. Мария сшила нам платья из простыни, выкрашенной в зеленый цвет. Мне кажется, что в этом платье я и стою на снимке.

В последние дни перед освобождением был такой случай. Охрану лагеря, кажется, сняли. Старшие ребята бегали к складам с обмундированием. Вдруг появились солдаты на велосипедах и стали стрелять прямо в детей. Все бросились обратно в лагерь. Одному пареньку прострелили ногу, когда он уже перелезал через проволоку. Наша сестра Рая тоже была среди этих детей, но успела спрятаться за кустик и слилась с ним в своем зеленом платьице. Накануне освобождения был взорван железнодорожный мост, что был недалеко от лагеря. В окнах барака вылетели стекла.

На рассвете мы, дети, ползком выбрались из-за колючей проволоки, как случалось и раньше, когда пробирались в город в поисках еды. Выбрались – кругом тихо, никого... С самодельными красными флажками мы направились в город. Были мы и на митинге, посвященном освобождению Петрозаводска, искали среди воинов-освободителей своего отца, ждали его, встречали все проезжающие составы, искали глазами его среди солдат в открытых дверях вагонов. Но тщетно...

А вскоре пришлось разлучиться и нам, сестрам. Четверых младших взяли в детприемник в августе 1944 года. Встретились мы все вместе лишь через годы. Впрочем, не все: следы нашей маленькой Эли затерялись. Надежда найти ее или узнать о ее дальнейшей судьбе заставила меня обратиться в редакцию с письмом. Сохранилось у меня воспоминание о том, как Элю хотели взять на воспитание какие-то люди, мужчина и женщина, которые дважды приходили в детприемник. Но мы не согласились отдать сестренку.

В начале октября Элю распределили в Сосновецкий дом матюток. Ей только что исполнилось три года; была она кудрявой голубоглазой девочкой. Перед отъездом ее постригли, одели в трикотажный костюмчик и, помнится, сфотографировали. Документ оформили на большом бланке, где записали фамилию, имя и дату рождения. Сестра Рая провожала ее к поезду, который увозил малышей в Сосновец. После сестра рассказывала, что Элечка плакала и не хотела ее отпускать.

Затем увезли в Ладвинский детский дом дошкольного воспитания Женю. А нас с Раей – в октябре 1944 года в Олонецкий школьный детский дом. Здесь были собраны дети разного возраста. Вскоре детей до 3 лет отвезли в тот же дом матюток в Сосновец.

Мы попросили воспитательницу, сопровождавшую детей в Сосновец, поискать там нашу сестренку. Вернувшись, она сказала, что не видела Элечку. Теперь ясно, что нас тогда напрасно разлучили.

Как сложилась дальнейшая судьба остальных? Пожалуй, счастливо. В детском доме жили хорошо. Запомнились и трудовые будни, и праздники с песнями и плясками. Хочется сказать большое спасибо дорогой Евдокии Васильевне Мелентьевой, нашему директору, за то, что детский дом стал для нас родным. О том, как мы жили, можно было бы написать содержательную книгу. Во всем была ее направляющая рука, ее доброе сердце, что дарила любовь и ласку сотням детей. Признательными мы остались и Екатерине Моисеевне Мыльниковой. Научившей нас многому полезному в жизни, и другим педагогам и воспитателям. Как, например, не вспомнить Ольгу Антоновну Баранову, столь много сделавшую для нашего воспитания.

Теперь мы взрослые, растим своих детей. Трое из нас живут в Петрозаводске. Старшая из нас, Мария Александровна Завьялова, работает на деревообрабатывающем комбинате мастером в малярном цехе. Три сестры стали педагогами. Одна из них Антонина Кудрявцева – учительница 10-й средней школы, живет на Перевалке, недалеко от того места, где был концлагерь.

Две другие сестры, Раиса Гайнетдинова и Евгения Лебедева, живут и работают в Санкт–Петербурге.

А моя дальнейшая судьба определилась встречей с хорошим человеком, Лехто Керту Ивановной, у которой я жила после детского дома, с 1951 года, училась в школе, затем в институте. С ней мы встречаемся часто и сейчас. Долгое время она жила в Олонце, преподавала английский язык в Верховской семилетней школе. Сейчас живет в Петрозаводске. Вышла на пенсию. Я живу в Петрозаводске. Работала в Институте биологии, имею звание кандидата сельскохозяйственных наук. Младшей моей дочери Людмиле 20 лет, а сыну Михаилу – 23 года. Вот такие уже взрослые у меня дети!»

Почти десять лет я была председателем Совета бывших малолетних узников и лишь недавно меня по личной просьбе от этой общественной должности освободили. Но нельзя освободить память и душу от воспоминаний тех лет, от всего, что пережито мной и моими близкими. Каждый год в июне, в день освобождения Петрозаводска, мы отмечаем свой праздник Освобождения, встречается с бывшими малолетними узниками. Всем мы за эти годы постарели. Но нам друг другу не стыдно смотреть в глаза. Мы прошли правильный и достойный путь и свою память о былом, лучшие наши традиции дружбы и верности долгу передадим своим внукам.

18 мая 1983 г.

К.А. Нюппиева

Архив Карельского научного центра РАН. Коллекция документов. Подлинник рукописный; «Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей». Петрозаводск, 1999.

Примечания

1. Нюппиева (Соболева) Клавдия Александровна родилась в 1935 г. в д. Рим Медвежьегорского района КАССР, русская. Накануне Великой Отечественной войны готовилась пойти в школу. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в том числе в лагере № 6 г. Петрозаводска. После освобождения жила и воспитывалась в Олонецком школьной детдоме, училась в Олонецкой средней школе, заочно окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт (1956 г.), а затем аспирантуру

Петрозаводского государственного университета, защитила диссертацию, работала научным сотрудником в Институте биологии Карельского филиала АН СССР. Кандидат биологических наук. Возглавляет Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей (КСБМУ).

Т.В. ПОПОВА¹

...Почти с первых дней оккупации я была заключена в концлагерь № 2. По-видимому, потому, что я знаю хорошо финский язык, я была назначена писарем в штабе. Не буду останавливаться на кошмарных условиях жизни советских людей в лагере, расскажу о том, как сказывались эти условия на здоровье и самой жизни людей, взрослых и детей, заключенных в лагере.

С самого начала организации лагеря количество выдаваемой пищи было настолько незначительным, что его даже не хватало на полуголодное существование. Выдавали 300 г. хлеба с какой-то несъедобной примесью и больше ничего, если не считать крохи вонючей колбасы, которую даже голодные люди не могли есть.

Вскоре началась смертность на почве истощения. Причем финские лекари неизменно ставили при этом диагноз – водянка. Люди, оставшиеся в живых, ходили как скелеты, с неимоверно большим раздутым животом и отеками ног. Почти никакой врачебной помощи не было, да она и не помогла бы, т.к. единственно, что требовалось людям, это улучшить питание.

Люди, которые уже не могли передвигаться, оставались лежать тут же, в бараке, и умирали на глазах своих родственников. Затем приходил возчик, который отвозил труп на кладбище. Сопровождать труп родственникам запрещалось. Кладбище, если так можно назвать огромную яму, находилось где-то в районе пригорода «Пески».

Я, как писарь штаба, могу назвать точную сравнительно цифру людей, умерших в лагере № 2 в течение одного года существования лагеря. Из 1500 чел., содержащихся в лагере, умерло 300 чел., т.е. около 20% всего состава, причем следует иметь в виду, что к маю 1942 г. количество людей в лагере было около 1000 чел.

Высокий процент смертности являлся результатом не только полуголодного существования, но и непосильной работы. Заставляли работать всех, маленьких детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков и больных.

За малейший проступок оккупанты жестоко наказывали. Для того, чтобы пожизненно упрятать человека в тюрьму, достаточно было одной резолюции нач. штаба Военного Управления Карелии генерал-майора Араюри.

Так, например, за его подписью была прислана в лагерь № 2 бумажка о заключении в тюрьму невинных советских женщин-матерей Галашеву и Богданову. Араюри также знал и потворствовал применению в лагерях розг, пыток и т.п.

Его непосредственным подручным по злодеяниям в лагере № 2 является комендант лагеря лейтенант Саловара, который с особым садизмом расправлялся с советскими людьми и не гнушался избивать лично маленьких детей.

(Попова)².

17 июля 1944 г.

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов. Копия.

Примечания

1. Попова Татьяна Васильевна родилась в 1920 г. в д. Вирма Беломорского района Карельской АССР. Накануне Великой Отечественной войны проживала в г. Петрозаводске. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в том числе в лагере № 2 г. Петрозаводска. После освобождения Петрозаводска давала свидетельства органам госбезопасности по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1944 гг. Затем работала в Петрозаводском горкоме ВЛКСМ.

А.С. РАЗГУЛЯЕВ¹

В сентябре 1941 г. из Петрозаводска я был эвакуирован на барже, которая во время бури оторвалась от буксира и была прибита волнами к берегу, занятому белофиннами. Нас переселили в лагерь № 2 в Петрозаводск вместе с отцом и назначили на работу на Онегзавод.

Однажды утром финский лагерный охранник с плетью набросился на моего отца, который обессилев от голода не успел вовремя одеться и опоздал выйти с остальными, и начал его избивать плетью, обзывая собакой, пока он сходил со второго этажа и погнался на Онегзавод. В результате истощения и побоев отец сильно заболел и вскоре скончался. Финские мерзавцы меня, как сына, даже не пустили похоронить отца.

Зимой 1942 г. на лесоразработках в Кутижме я поранил топором ногу и меня вместо оказания медицинской помощи продолжали гонять на работу до тех пор, пока я не в состоянии уже стал ходить.

В июне 1943 г. меня с товарищем послали в город, где мы по пути купили у финских солдат хлеба и табаку. Возвращаясь, мы встретились с комендантом лагеря, который отобрал у нас хлеб и табак и заставил нас бегать по лагерю, избивая плетью. После чего он посадил нас в будку (карцер) на 30 суток.

15 июля 1944 . К сему Разгуляев А.С.²

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов. Копия.

Примечания

1. Разгуляев Александр Степанович родился в 1923 г. Накануне Великой Отечественной войны проживал в Петрозаводске. В 1941–1944 гг. находился на оккупированной территории Карелии, в том числе в лагерях № 2 г. Петрозаводска и д. Кутижме. Заявление А.С. Разгуляева адресовано в Чрезвычайную Государственную Комиссию Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1944 гг.
2. Подпись отсутствует.

А.А. РОГАЧЕВА¹

Я, Рогачева (Луканичева) до начала Отечественной войны против немецко-финских захватчиков проживала и работала в Заонежском районе КФССР.

В ноябре 1941 года, во время оккупации нашей местности белофинскими войсками, я была захвачена в плен и

вместе с другими мирными гражданами водворена в концлагерь № 6 на «Перевалочной бирже» гор. Петрозаводска. В этом лагере для пленных граждан белофинские прислужники Гитлера создали невыносимые условия, жесточайший нечеловеческий режим, голод, каторжный труд, массовой издевательство и избиение, жуткие жилищно-бытовые условия, на почве чего царил массовая смертность.

В феврале 1942 года, в числе большой группы пленных, белофинские изверги направили меня по этапу на ст. Орзег, а в июне того же года перевезли в Пески². В этих местах всех пленных, без исключения, мужчин, женщин, стариков и подростков, финская лагерная администрация по указке своих правителей заставляла выполнять принудительный труд на лесозаготовках и лесоразработках, а за работу ничего не платили и кормили голодным пайком: 300 граммов хлеба или муки в день и 50 г. гнилой колбасы. Люди были истощены до того, что не могли даже ходить и выполнять какую-либо работу, но белофинские палачи этого признавать не хотели. Они жестоко избивали и сажали в карцер до 15 суток тех, кто заявлял, что он не может работать и что он голоден.

Избиения до потери сознания были массовым явлением и мне хорошо памятен случаи, когда избивали граждан Скворцова, Бусарева и других, фамилии которых сейчас не помню, когда их крики от боли разносились на всю округность. Белофинские кровожадные хищники не считали за позор глумиться над своими жертвами, они не брезговали даже расстрелом беззащитных несовершеннолетних подростков.

В 1942 г. в Песках, начальник охраны пленных выстрелом из пистолета убил мальчика Петю и убил только за то, что последний от невыносимого голода вынужден был зайти в палатку финских солдат просить кусок хлеба.

В 1943 г., работая воспитательницей детского дома в лагерях № 6 и № 1, мне часто приходилось наблюдать зверское обращение с детьми и взрослыми со стороны финских солдат-палачей из охраны лагерей. За малейшую провинность они жестоко наказывали детей плеткой, палками и бросали в карцер.

В 1943 г. в лагере № 6 воспитанники детского дома Лукачев Слава и Медведев Александр на почве голода достали где-то немного продуктов. Об этом узнал начальник лагеря (фамилии которого не знаю) и избил их обоих до бесчувствия с нанесением телесных повреждений.

Гражданку Гагарину Анну Петровну начальник лагеря избил только за то, что она пожалела свое хорошее платье сдать в жарилку, боясь, что его сожгут, так как многие граждане остались без одежды, ее действительно сжигали в этих жарилках.

Рогачева–Луканичева³.

18 июля 1944 г.

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов. Заверенная копия.

Примечания

1. Рогачева (Луканичева) Александра Алексеевна родилась в 1921 г. в д. Голодяево Пришекснинского района Вологодской области. Накануне Великой Отечественной войны проживала и работала в Заонежском районе КФСР. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в том числе в концлагере № 6 г. Петрозаводска, а также в принудительных местах на ст. Орзег и Пески. После освобождения Петрозаводска давала свидетельства органам госбезопасности по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1944 гг.

2. Под названием «Пески» могло иметься в виду место (небольшая деревня) в районе ст. Орзег Кировской (ныне Октябрьской железной дороги).

3. Подпись отсутствует.

К. РОГОЗИНА

Маршал Карл Маннергейм, командовавший всеми вооруженными силами Финляндии, конечно, личность историческая. Но лучше бы мне с ним было познакомиться в другое время и при других обстоятельствах. Мое знакомство с главным военным чиновником Суоми состоялось за колючей проволокой в Петрозаводском лагере № 5 (нынешний Пятый поселок), когда он летом 1943 года приезжал в наш город из Финляндии.

В лагере работали даже дети. Сестра моя ткала дорожки, я плела лапти, брат – корзинки. Однажды нам выдали

вместо пайкового хлеба муку, в которой оказалось много червей. Для просеивания муки брат проделал в дне консервной банки небольшие дырки, и получилось ситечко. Занимались мы, значит, этим не очень веселым делом. Вдруг в нашу комнату постучали, и вошел высокий усатый военный в нарядном мундире. Я уже слышала, что в лагерь приехал маршал Маннергейм, и поняла, что это он и есть. Поздоровался со мной и с братом за руку и сказал по-русски: «Здравствуйте!» Посмотрел на наше занятие и спросил: «А это что, чем вы занимаетесь?» Я ответила, что выдали нам сегодня норму муки, а в ней – черви. И даже показала, сколько их было отсеяно.

Наверное, этот приезд Маннергейма хоть немного повлиял на жизнь лагеря. С тех пор стали кормить получше. И такой муки уже не выдавали.

2005¹

«Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников». Петрозаводск, 2005. С. 39.

Примечания

1. Датировано по времени опубликования воспоминаний К. Рогозиной

Н. СИЛКИНА¹

В те дни, когда наши воины отступали, мы все жили в тревожном ожидании. В июле в нашем доме остановились ненадолго четыре солдата и их командир. Ночью они по очереди дежурили, готовили пищу, а днем куда-то уходили. Жили они дней десять, а потом куда-то ушли. А вскоре нас эвакуировали в соседнюю деревню Пертозеро, что в семи километрах от нашей – Вороньей. Это Подпорожский район Ленинградской области. Родители уходили по утрам на работу в свою деревню, а вечером возвращались обратно. А потом вскоре нас снова направили в родную деревню. Поначалу мы вздохнули с облегчением: дома будет легче, где и сами стены помогают. Мы не могли предвидеть, как будут развиваться дальнейшие события.

В сентябре 1941 года по левому берегу Свири хлынули финские войска. Вражеские солдаты появились и в нашей деревне. К нашему дому подошло больше десятка финских воинов. Стали копать картошку. Развели костры рядом с домом,

и мы очень боялись, что наш дом загорится. Но все обошлось. В дом они не зашли. Они отдохнули и пошли дальше. А вечером в 6 километрах от нас у деревни Плотично вспыхнул бой. Мы не спали всю ночь. Деревня наша быстро опустела.

Когда первый раз мы покидали дом, не успели далеко отъехать, как нас вернули. Командир сказал: «Поезжайте обратно, впереди противник». Смеркалось, и мы расположились тогда на ночлег у Белого озера. Утром вернулись домой. А второй раз уходили к своим пешком. Однажды отец пришел с улицы и сказал: «Вокруг происходит что-то неладное. Собирайтесь». Все добро, нажитое годами, пришлось бросить – много ли возьмешь с собой. Ночевали опять же у Белого озера. Было холодно, и обогревались теплом костра. Утром чуть рассвело, отправились в путь. Шли лесом до деревни Гомеровичи. Там уже были финны. Мы услышали чужую речь уже на подходе к деревне. Пришлось спешно поворачивать обратно. Мама с грудным ребенком, у отца больные ноги. И опять пришли домой. Наступила зима, запасы продуктов кончились. Как дальше жить – не знали. А в декабре к нашему крыльцу подогнали лошадь, запряженную в дровни. Какой-то мужчина, видно, финский староста, сказал, что нам нужно ехать в Пиокари. Туда мы приехали вечером. Ночевали на станции. Там уже было много народу, даже сесть было некуда.

Вечером подогнали товарные вагоны с заколоченными окнами и нас погрузили в них. Внутри висел тусклый фонарь и теплилась печка-буржуйка. Везли больше суток. Когда после остановки открыли двери, узнали, что нас привезли в Петрозаводск. И старым, и малым, больным и здоровым с высоты вагонного проема пришлось прыгать на землю. Некому было помогать. Встречала многочисленная охрана с оружием и собаками. Слышны были ругательства: «Сатана перкеля!» людей били прикладами. Нас построили в колонну по четыре человека, и повели в поселок железнодорожников. Там были двухэтажные дома барачного типа, словно заранее подготовленные для лагерных условий. Так образовался 5 лагерь. Нас поселили в комнату, где уже располагалась семья их 5 человек, – отец с четырьмя детьми. А наша семья состояла из шести человек. Восемь детей и трое взрослых.

Не помню, когда выдали первую пайковую норму, но помню, что мы получили на человека по три кусочка сахара на четыре дня и муку по чашке, кажется, на человека, и тоже на

несколько дней. С этого времени началась наша страшная жизнь. Кроме того, что мы голодали, не было мыла, в достатке даже воды. Стали появляться вши. Начался брюшной тиф и другие болезни. Многие стали умирать.

Наша жизнь в лагере несколько стала улучшаться где-то в середине 1943 года. Регулярно стали водить в баню на помывку. Ощутимую помощь стал оказывать Красный Крест.

Но голод по-прежнему заставлял людей, особенно подростков, идти на крайности с риском для здоровья и жизни. Наряду с другими ребятами, мой 13-летний брат Коля тоже часто ходил под проволоку в город, чтобы раздобыть что-либо из продуктов. И однажды его задержали. Наказание было суровым даже для малолеток. Выдавалось по 25 ударов плеткой и отсидка в холодной будке. При этом нередко финские палачи проявляли изуверство. Так сержант Вейко заставлял ребятшек хлестать друг друга резиновой плеткой. А сам стоял рядом и наблюдал за этой процедурой. И если замечал, что «усердия» проявляется мало, брал оружие наказания в свои руки. Когда наш Коля пошел в армию, медицинская комиссия заметила следы тех побоев на теле.

Отец наш умер в мае 1943 года. Хоронить его нам не разрешили. Для этого была создана специальная похоронная команда. Мама в это время тоже сильно болела. Все лежало на мне. Я временами очень плакала. Мне приходилось заботиться о своих младших братьях. Ване было 9 лет, Анатолий 1940 года рождения умер вскоре после окончания войны.

В апреле 1944 года в праздник Благовещения недалеко от нашего барака на вышке кто-то убил часового. Рано утром мы услышали стуки прикладов в дверь. Нас грубо выгнали на улицу. Там уже было большое скопление народа. Все напуганы. Когда стали подходить к штабу, наша соседка по деревне Анастасия Ермакова сказала нам: «Ничего не знаем, ничего не слышали». Да и что мы могли знать об этом убийстве. Разбирательство этого происшествия проводилось долго и не знаю, чем оно закончилось и удалось ли лагерной администрации найти виновных. Но мы все остались живы, если не считать того, что из 8 тысяч человек от первичного наполнения на момент освобождения осталась только половина людей – 4 тысячи. Уже одно это сопоставление заставляет задуматься, каким был этот режим и в каких условиях находились здесь заключенные.

День нашего освобождения описан уже во многих воспоминаниях, и я вряд ли к ним смогу что-либо новое добавить. Но помню, что уже через несколько дней молодых ребят, кто подлежал призыву, призвали в армию. А нас, молодых девушек, направили в Бесовец на восстановление аэродрома. А после того, как там работы были завершены, перебросили на станцию Кутижма для помощи в восстановлении военными моста через речку. Было нелегко, но чувство свободы и близость нашей окончательной победы придавали нам силы. Ближе к осени мы вернулись в город. За эти работы нам заплатили деньги. Я как бригадир получила 240 рублей, а остальные девчата по 180.

В городе стали искать работу. Он был разрушен: и предприятия, и учреждения делали лишь первые шаги для жизни восстановительного периода. Нормально функционировала разве что одна железная дорога. Вот туда-то, в отдел кадров, мы и пришли вчетвером – Лида Фарисеева, Клава Храпова, Галя Терехова и я. Начальник отдела кадров Пронин предложил нам поработать кондукторами, после месячных курсов. «Будете ходить в белых перчатках», – пообещал он.

Пройдя курсы и получив некоторую практику, я уже в том же 1944 году стала работать старшим кондуктором. А в свободное от поездок время принимала участие в субботниках по уборке города. Пишу эти воспоминания, и временами слезы навертываются на глаза. Нельзя допустить, чтобы такое когда-нибудь повторится. Наш народ умный и трудолюбивый. И если его правильно организовать, он может создать для себя и для своих детей и внуков светлую счастливую жизнь.

1999 год¹

«Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей». Петрозаводск, 1999.

Примечания

1. Датировано по времени опубликования воспоминаний Н. Силкиной

Е.В. ЩЕРБАКОВА¹

Я, гражданка Щербакова Евдокия Васильевна, проживала в лагере № 8 Олонецкого района с 7 сентября 1941 г. по 25 июня 1944 г., [где] над нами издевались финские изверги.

Комендант этого лагеря над нами издевался, как ему захочется, бил резиновой палкой и я лично видела, как после избиения две женщины не смогли вынести [этого] и померли от избиения.

Я сама лично подвергалась такому избиению. Комендант меня избил за то, что я купила хлеба, шла с работы и несла хлеб в лагерь. Хлеб у меня отобрали в лагерной проходной и меня отвели к коменданту лагеря, который раздел меня донага и избил резиновой палкой по голому телу так, что я была без сознания и меня унесли, бросили в холодную будку. Чуть осталась жива, в чем и расписываюсь.

15 июля 1944 г.

К сему Щербакова².

Архив ФСБ Республики Карелия. Коллекция документов. Копия.

Примечания

1.Щербакова Евдокия Васильевна родилась в д. Перкеицы Лодейнопольского района Ленинградской области. В 1941–1944 гг. находилась на оккупированной территории Карелии, в частности, в лагере № 8 Олонецкого района. Данное заявление Е.В. Щербаковой направлено в Чрезвычайную Государственную Комиссию Карело-Финской ССР по расследованию фактов злодеяний, совершенных финскими и немецкими оккупантами на территории республики в 1941–1944 гг.

2.Подпись отсутствует.

ПИСЬМО 146 БЫВШИХ В ЗАКЛЮЧЕНИИ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ ВО ВРЕМЯ ФИНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Не чернилами, а кровью советского народа, пролитой в финских лагерях и застенках, мы подписываем это письмо.

Мы требуем, чтобы смерть наших детей, матерей, отцов, братьев и сестер, погребенных на берегах Онежского озера, была отмщена могучей Красной Армией. Почти три года мы находились в плену у злодеев, возглавляемых палачами и садистами. Почти три года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооруженным конвоем. Нас морили голодом, избивали дубинками за малейшую «провинность», нас топтали тяжелыми солдатскими сапогами и травили, как бешеных собак. Финские

солдаты врвались по ночам в наши бараки и насильовали наших девушек и женщин. Особенно отличились на этом позорном поприще озверелые солдаты генерала Лагус. Эти лагусовцы стреляли в наших детей, убивали их только за то, что они пытались самовольно уходить в город, чтобы нищенствовать и выпрашивать у подворотен финских кухонь и казарм немного каши и сухарей.

В одном только Петрозаводске финны соорудили шесть лагерей, где в грязных холодных бараках ютились 30 000 человек, повинных только в том, что в их жилах течет кровь советских народов.

От голода, которым нас морили финны, от жестоких побоев, порки через мокрые, пропитанные солью тряпки, – этих обычных методов финских тюремщиков, – в каждом лагере умирало в день по 20–25 заключенных. Живое свидетельство тому – братские могилы на Соломенском шоссе, в «Песках», где похоронены тысячи наших отцов, матерей и детей.

Школы были превращены в казармы, русские учебники сожжены. Библиотеки были закрыты, а русские книги вывезены в Финляндию. Финские власти грабили заключенных. Они заставляли нас выносить из нанимаемых нами коморок лично нам принадлежащие вещи и отнимали одеяла, часы, чемоданы. Особенно зверствовал в лагере № 2 лейтенант Салаваара, беспощадно поровший заключенных и выгонявший плетью на работу больных людей. За малейший проступок одного заключенного он лишал весь лагерь рациона. Управляющий хлебзаводом Раккала сажал людей в чаны с холодной водой на несколько часов. Нам хорошо запомнились финские палачи – комендант лагеря Вилье Лакконен и его подручный Пеухкуринен. В Подпорожье сержант Хейто выгонял больных, голодных людей в одних рубашках на снег. Подобными фактами была насыщена вся наша жизнь.

Для «правонарушителей», состоящих преимущественно из детей, молодежи и женщин, созданы были лагеря специального назначения в Кутижме, Вилге, Киндасове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Там советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, воспаления легких без всякой врачебной

помощи. Врач – зверь Колехмайнен, вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял тифозно-больных на мороз и заставлял сгребать снег с крыши. Этот выродок с медицинским образованием изобрел особый способ умерщвления больных – он впрыскивал быстро действующий яд в нарывы больных, и последние умирали в ужасных судорогах.

Из 600 человек лагерников, пригнанных в Кутижму в начале 1942 года, в живых осталось и вернулось в петрозаводские лагеря только 149 человек, большинство из которых на всю жизнь оставались нетрудоспособными, либо умирали через короткий срок.

Нас никогда не называли по именам и фамилиям, каждый из нас числился под особым номером, и когда увозили кого-либо на кладбище, говорили, что увезен номер такой-то.

За все годы этого кошмарного плена мы ни разу не встречали представителей Международного Красного Креста. Финские палачи творили расправу над советскими людьми безнаказанно...

27 июня под ударами Красной Армии вражеские супостаты начали покидать Петрозаводск. В бешеной злобе, все сжигая на своем пути, они взрывали мосты, поджигали электростанции, сжигали лесопильные заводы, фабрики и культурные учреждения, взрывали большое количество строений и оставляли за собой сплошные пожарища. 29 июня 1944 года в освещенный пламенем пожаров город явились советские краснофлотцы и освободили нас из лагерей и тюрем.

«Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов». Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1945.

1. Макуров В.Г. Население Карелии в условиях оккупационного режима. 1941 – 1944 гг. В концлагерях. Часть I // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. № 3 (23). 2013. С. 60 – 80.

Рецензент – В.Г. Баданов, кандидат исторических наук, доцент Карельского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.